

Вышика. — Баку. —

— 1931. Ч. 1.

ВЫСТРЕЛ НА КЛАДБИЩЕ

БЕНИСЛАВСКАЯ с расстройством нервной системы попала в психиатрическую клинику. При малейшей возможности она звонила в особняк Дункан, но возвращение Есенина в Москву постоянно откладывалось.

Возвратился Есенин с Дункан из-за границы 3 августа 1923 года. Оставил роскошный особняк и перешел жить в комнату к Бениславской. Ее радости не было предела.

Для поэта этот период жизни был, пожалуй, самым тяжелым. Постоянные выпивки с друзьями, конфликты с имажинистами. После публичного прочтения драмы в стихах «Страна негодяев», в которой Есенин высмеял дела большевиков, против него начались вновь провокации. По малейшему поводу поэта хватали, волокли в ближнее отделение милиции, и там появлялись «материалы» по обвинению его в антисемитизме и хулиганстве:

1. 15 сентября 1923 года;

2. 20 ноября — «Дело четырех поэтов»: Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина, обвиненных в антисемитизме по статье 59 пункта В Уголовного кодекса РСФСР;

3. 20 января 1924 года по обвинению в хулиганстве;

4. 9 февраля по обвинению в хулиганстве;

5. 23 марта по обвинению в хулиганстве;

6. 6 апреля по обвинению в хулиганстве.

Изучение этих дел показало, что состава преступления в действиях Есенина не было, как и отсутствовали объективные доказательства его «преступных действий». Именно в эти месяцы Галина Бениславская для поэта была ангелом-хранителем. Она спасла его из самых безвыходных положений.

В своих «Воспоминаниях» она писала: «Сергей Александрович в период, когда я его знала, не был настоящим антисемитом. Вся его идеология в этом плане выразилась в первоначальном (кажется) варианте стихотворения «Слова...».

Защищай меня,
влага нежная,
Май мой синий,
июнь голубой.

Одолели нас люди заезжие,
А своих непускают домой.
Знаю, если не в далых
чугунных

Кров чужой
и сумма на плечах,

Только жаль тех
дурашливых юных,

Что сгубили себя горяча.

Жаль, что кто-то нас смог
рассеять,

И ничья непонятна вина.

Ты, Росея, моя Росея,
Азиатская сторона.

Основное в нем было имено: «ничья непонятна вина». В минуты озлобления, отчаяния, в минуты, когда он себя чувствовал за бортом общественной жизни, когда осознавал, что не он виноват в этой отрезанности, что он хотел быть с Советской властью, что оншел к ней, вплоть до попытки вступить в партию, и не его вина, если его желание не сумели использовать, не сумели вовлечь его в общественную работу.

Иногда ему казалось, и так фактически и было, его отвергли и отвергли. Ведь в конце концов все крестьянство СССР идеологически чуждо коммунистическому мировоззрению, однако мы его вовлекаем в новое строительство. Вовлекаем потому, что оно — сила, крупная величина. Сергею Александровичу было очень тяжело, что его в этом плане игнорировали как личность и как общественную величину. Положение создалось таким: или приди к нам с готовым оформившимся мировоззрением, или ты нам не нужен, ты вредный ядовитый цветок, который может только отравить психику молодежи.

Сергей Александрович очень страдал от своей бездеятельности. Нечем стало жить. Много, очень много уходило и ушло в стихи, но он сам говорил, что нельзя ему жить только стихами, надо отдохнуть от них. Отдыхать было не на чем. Оставались женщины и вино. Жен-

щины скоро надоели. Следовательно — только вино, от которого он тоже очень хотел избавиться, но не было сил, вернее, нечем было заменить, нечем было заполнить промежутки между стихами.

...Надо сказать, что в период 1923—1925 годов Сергей Александрович уже не умел цепляться за возможности, не умел пробиваться. Или ему надо открыть двери, или он не пойдет сам. Вот откуда бралось его озлобление, вот откуда «своих непускают домой». Не раз он говорил:

— Поймите, в моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться и мне не открывают.

Я не знаю, чувствовал ли он последние годы по-настоящему жизнь «своего дома». Но он знал твердо, что он-то может чувствовать и ее именно так, как «настоящий, а не сводный сын», чувствует и понимает свою семью. И сознание, что для этого он должен стучаться в окно, чтобы впустили, приводило его в бешенство и отчаяние; вызывало в нем боль и злобу.

В такие минуты он всегда начинал твердить одно:

— Это им не простится, за это им отомстят. Пусть я буду жертвой, я должен быть жертвой за всех, кого «не пускают». Не пускают, не хотят, ну так посмотрим. За меня все обозлятся. Это вам не фунт изюма. К-ак еще обозлятся. А мы все злые. Вы не знаете, как мы злы, если нас обижают, не тронь, а то плохо будет. Буду кричать, буду, везде буду. Посадят — пусть сажают — еще хуже будет. Мы всегда ждем и терпим долго. Но не трожь! Не надо!

Тогда он не знал еще, на что пойдет — на борьбу или на тот конец, который случился. И при этом больно ведь быть стекла в собственном доме. Больно даже тогда, когда в доме чужие хозяйничают, дом-то и стекла ведь свое добро. Ему было очень больно. Но его не звали в дом, и этой обиды он не мог забыть...».

Находясь на Кавказе, Есенин часто писал Бениславской, начиная письма нежными словами: «Милая Галия!», «Галия, родная!». Он присыпал ей в Москву стихи, которые она сдавала для публикации в газетах и журналах.

Однажды Есенин сказал Галине: «Вы свободны и вольны делать, что угодно, меня это никак не касается. Я ведь тоже изменяю Вам, но помните — моих друзей не троньте. Не трогайте моего имени, не обижайте меня, кто угодно, только, чтоб это не были мои друзья!».

В «Воспоминаниях» Бениславская пишет:

«Конечно, со стороны Сергея Александровича была огромная уступка. Его внутреннее отношение было чисто мужицкое: «Моя и, больше никаких». Но зная, что я не покорюсь и не могу быть «верной женой», тогда как себя он не лишает свободы в отношении других женщин и вместе с тем не желая порвать со мной, он внушил себе взгляд культурного человека — мы, мол, равны, моя свобода дает право на свободу женщине. Я никогда не скрывала своих увлечений, но Сергей Александрович сам знал, и я ему подтверждала. Что бы ни было, я всегда его, всегда по первому зову все абсолютно брошу.

Знал он также, что виноват передо мной не меньше,

чем я перед ним, и что он не вправе требовать от меня верности. Но все изменилось в марте 1925 года, после его приезда с Кавказа. Я больше не могла выдумывать себе увлечения, ломать себя, тогда как знала, что по-настоящему люблю Сергея Александровича и никого больше. Единственное сильное чувство, очень бурно и необузданно вспыхнувшее ко Льву, яaborвала сама.

Из-за несложности и изломанности моих отношений с Сергеем Александровичем не раз хотела уйти от него как женщина, хотела быть только другом. И перед возвращением его с Кавказа я еще раз решила, что как женщина я уйду от него раз и навсегда. И поэтому, закрыв глаза, не раздумывая, дала волю увлечению со Львом. Даже это я оборвала сразу, как только поняла, что от Сергея Александровича мне не уйти, эту нить не порвать и что он любит меня, поскольку он вообще может сейчас любить...».

13 июня 1925 года Есенин оставил Бениславскую, узнав о ее романе с Л. Новицким.

Но он изредка продолжал встречаться с ней, звонил...

Известие о трагической гибели поэта застало Бениславскую в лечебнице.

Она тяжело переживала смерть любимого, но на похороны не приехала. Бениславская написала свои «Воспоминания о Есенине». В них она субъ-

ективна, но они интересны своими деталями из жизни известных поэтов, той эпохи, сложности быта Есенина. Она не сомневалась, что он покончил жизнь самоубийством и даже привела свои предположения по этому поводу, которые заслуживают интереса. Жаль, что эти «Воспоминания» полностью не публиковались.

Она пережила С. Есенина меньше чем на год, и у его могилы сама оборвала свою жизнь. В своей предсмертной записке она указала дважды фамилию — Сосновский. Кто же был этим Сосновским? И почему среди всех врагов С. Есенина она называла именно его? Не он ли является убийцей поэта?

Лейба Сосновский родился в Оренбурге в 1886 году в религиозной еврейской семье. Его отец был мелким дельцом, сводником, мотом. Развратничал с посторонними женщинами на глазах жены. Мать Сосновского — шизофреничка, болезненно ненавидевшая все русское и православное. «Самым ярким проявлением болезни матери была боязнь, что ей в комнату хотят насильно повесить иконы. «Снимите иконы! — вопила она, кидаясь к пустым углам больничной палаты», — писал Л. Сосновский о пребывании матери в сумасшедшем доме.

— Некоторую роль в болезни матери сыграло одно семейное событие. Кажется, в год моего рождения из дома нашего убежала сестра, приняла православие и постриглась в монашески. Мать была надолго потрясена этой историей, не бывалой в еврейском мире...».

Отягощенный дурной наследственностью, не получивший образования, в 1903 году в Екатеринбургской губернии он примкнул к бандитским группировкам. Там он сошелся с Шаем Голощекиным, Яковом Свердловым, Ермаковым, Клавдием Новгородцевой, Марией Авдей, Чукаевым, Сыромоловым и рядом других лиц, совершивших в губернии тяжкие преступления. Одновременно члены преступной группы физически уничтожали патриотически настроенных людей.

Местная полиция не смогла бороться с бандитами. Правительство России направило на Урал экспедиционный корпус. Сосновскому удалось скрыться. Он бегал за границу, ездил по стране с чужими документами.

После Октябрьского переворота свои аресты за уголовные преступления Сосновский представил как преследование его за политическую деятельность. А знакомство с Я. Свердловым и другими вождями большевиков открыло дорогу к высшим должностям в государстве. Сосновский стал членом президиума ВЦИК, заместителем редактора газеты «Правда».

Это он начал кампанию против С. Есенина в конце 1923 года, обвиняя его в антисемитизме, это он требовал над ним расправы. По его команде ежедневно газеты печатали по две-три статьи против поэта, обвиняя его во всех смертных грехах. Это благодаря Сосновскому Есенин прятался по больницам, скрывался в психиатрической больнице («психов не судят»), убегал на Кавказ. И если бы С. Есенина и его друзей не взяли под защиту писатели и поэты — евреи по национальности, жизнь поэта оборвалась бы значительно раньше.

В оставленной для потомков автобиографии Л. Сосновский писал: «Время от времени писал статьи на литературные темы, напр. о Демьянне Бедном, против футуристов (читай против В. Маяковского. — Э. Х.), против упаднических произведений литературы в роде Есенина, против извращения советской действительности Пильняком и т. п.».

С. Есенин Сосновского назвал «маленьким картофельным журналистом». В конце 30-х годов закончилась блестящая карьера троцкиста Л. Сосновского, он был расстрелян, как «враг народа», но благодаря вмешательству бывшего члена Политбюро ЦК КПСС А. Яковлева в наше время реабилитирован.

Человек перед смертью не лжет. Галина Бениславская, сама того не желая, назвала нам фамилию человека, с которым связана трагическая гибель национального поэта России Сергея Есенина...

Хоронили Галину Бениславскую 7 декабря 1926 года, в 12 часов на Ваганьковском кладбище, рядом с могилой так страстно любимого ею человека. Хоронили торопливо, чтобы не вызывать лишних разговоров. Раньше на ее могиле была надпись «Верная Галия». Теперь надпись более официальная. Кто посетит место погребения С. Есенина, может увидеть и ее скромную могилу.

Люди смертны, бессмертны только любовь.

Эдуард ХЛИСТАЛОВ.
г. МОСКВА.

«ВЫШКА»

(Окончание. Начало см. «Вышику» за 3 декабря с. г.).

ПОПРАВКА

Во вчерашнем номере «Вышики», на стр. 5 в очерке «Выстрел на кладбище» конец последнего абзаца четвертой колонки следует читать: «Телефонный звонок, Яна: «Слушай, могу сообщить приятную тебе весть. Оказывается, Есенин разошелся со своей женой!». У меня, как говорится, упало сердце. Я обозлилась, обругала ее и бросила трубку». Далее по тексту.

(Следующий очерк есенинского цикла читайте в нашем субботне-воскресном номере).